

М.С. Чудакова

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АГЕНТУРНОГО АППАРАТА ВЧК И ГПУ

В статье отражены вопросы становления системы агентурного наблюдения в первые годы советской власти. Подчеркивается, что основные виды агентов, принципы работы с ними, методы вербовки были заимствованы у дореволюционной школы сыска. Отмечено не только сходство, но и принципиальные различия в деятельности агентуры названных периодов (качественный и количественный состав агентов, система организации их работы и т.д.). Сделан вывод о том, что формы и методы деятельности спецслужб имеют преемственный характер, несмотря на различный общественно-политический строй.

Ключевые слова: советский период; виды секретных агентов; агентурное наблюдение; методы вербовки.

ВЧК, являясь центральным органом по борьбе с контрреволюцией и саботажем, не могла, естественно, в должной мере влиять на ситуацию в регионах. В силу этого было принято решение о «необходимости созыва Всероссийской конференции по вопросам создания боевых органов при всех губернских и областных Совдепах по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией...» [1. Л. 13]. Все Советы, избравшие своих представителей, должны были сообщить «число избранных и их фамилии». Документ констатировал тяжелое внутреннее положение Советского государства: «Происходящие события на Украине усилили и укрепили российскую контрреволюцию и спекуляцию. Контрреволюционеры, спекулянты, жулики разного рода, пробравшиеся в советские учреждения за последнее время, действуют самым беспощадным и наглым образом, что при обостренном продовольственном кризисе, хозяйственной и железнодорожной разрухе, с одной стороны, и желании, необходимости справиться с этим голодом и разрухой со стороны Советской власти, с другой, диктует необходимость при Советской власти, на всем пространстве Советской России создания сильных, специально приспособленных органов борьбы, которые бы повсеместно в тесном контакте могли вести самую беспощадную борьбу со всеми врагами Советской власти» [1. Л. 14]. Такими органами, согласно документу, должны были стать повсеместные чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Деятельность чрезвычайных комиссий предполагала несколько направлений: борьба с контрреволюцией, саботажем, наблюдение за членами оппозиционных партий, раскрытие бывших провокаторов, служащих полиции и охраны, борьба с дезертирством и восстаниями бело-зеленых.

Система деятельности правоохранительных органов Советского государства, даже в их чрезвычайном варианте, не могла создаваться и формироваться без учета опыта, накопленного предшественниками. Структура, формы и методы работы царской охраны и жандармерии не остались без внимания. Особо актуальным оставался вопрос о степени информированности органов охраны государственной безопасности и общественно-политического порядка. Как известно, для наиболее эффективной работы дореволюционные органы политического сыска широко использовали различные виды агентурного на-

блюдения и широкий спектр секретных агентов. Внутреннюю агентуру представляли секретные сотрудники и осведомители, внешнюю – филеры, вспомогательные и «боковые» агенты [2].

После Октябрьской революции многие большевики полагали, что агентурные методы работы – порождение буржуазного строя и предлагали отказаться от их использования в деятельности нового аппарата. В речи по вопросу об Учредительном собрании 1 декабря 1917 г. В.И. Ленин подчеркивал: «Когда революционный класс ведет борьбу против имущих классов, которые оказывают сопротивление, то он это сопротивление должен подавлять; и мы будем подавлять сопротивление имущих всеми теми средствами, которыми они подавляли пролетариат, – другие средства не изобретены» [3. С. 136].

В апреле 1918 г. Коллегия поручила оперативным отделам приступить к разработке положения об агентурной работе. Проекты обсуждались на 1-й Всероссийской конференции ВЧК. Делегаты приняли инструкции, регламентирующие деятельность органов ЧК по приобретению и использованию агентуры в борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, методику ведения следствия по делам подобного рода, использование наружного наблюдения и вербовку секретных агентов из числа представителей антисоветских организаций [4. С. 323]. Несмотря на возражения некоторых делегатов против использования методов царской охраны в работе ЧК, большинство выступило за организацию секретной службы. В региональных ЧК руководство агентурой возлагалось на начальника Отдела по борьбе с контрреволюцией, в составе которого учреждалась секретная часть.

При создании нового аппарата правоохранительных органов большое внимание уделялось разработке и развитию методов и средств оперативно-розыскной деятельности. Как и в царские времена, развитие агентурной сети шло по двум направлениям: штатные и внештатные агенты. Таким образом, используемый опыт позволил чекистам профессионально подойти к строительству агентурного аппарата: появились и осведомители, завербованные из среды противников (внештатные агенты), и секретные сотрудники, и служба наружного наблюдения (штатная агентура). В Обращении ВЧК ко всем гражданам Советской республики 21 февраля 1920 г. отмечалось: «Информационный от-

дел управления особого отдела ВЧК... призывает рабочих, красноармейцев, коммунистов и всех граждан придти ему на помощь... не стесняясь ни формами, ни изложением присылать сведения обо всех замеченных случаях, где можно заподозрить шпионаж, злостный саботаж, измену...» [5. С. 373]. Указанные сведения предлагалось доставлять почтой или лично в бюро писем при информационном отделе.

Таким образом, постановке агентурного наблюдения, качественному составу осведомительного аппарата уделялось самое пристальное внимание. Наблюдением должны были быть охвачены все районы той или иной губернии, а также, по возможности, предприятия. В последнем случае помощь оказывали партийные комитеты самих фабрик и заводов. Так, на общем собрании фракции коммунистов Волжской вигонефабрики 24 апреля 1919 г. было решено образовать на ней военно-революционный комитет. В протоколе отмечено: «Учредить отдел политического дозора (политической разведки)» [6. Л. 16].

В докладе Тверской ЧК губернскому исполкому, датированном 1919 г., отмечалось: «Для большей координации и установления прочных связей и информации с местами отделом были откомандированы в каждый уезд по одному секретному сотруднику, которые имели тесную связь с уездными комитетами РСДРП и работали с ними в тесном контакте, продолжая сохранять свою конспирацию» [7. Л. 46]. Всего таких сотрудников в уездах числилось 11 человек. В этом же отделе работали 7 комиссаров для особых поручений. Оставшиеся 12 сотрудников «обслуживают город, который разбит на 5 районов, где также ведется соответствующее наблюдение» [7. Л. 46].

Сведения, поставляемые сотрудниками, тщательно, как и в прежние времена, анализировались. Некоторые из них сообщались соответствующим органам для принятия определенных мер. Так, 31 мая 1919 г. Тверская ЧК сообщала в губком о следующем: «По полученным сведениям от сотрудника из Кашинского уезда, в Литвиновской волости председателем коллектива партии коммунистов большевиков состоит Николай Иванович Барсуков, который не соответствует своему назначению ввиду полного политического невежества и грубого отношения к членам исполкома и вообще к товарищам членам партии, что нарушает правильное течение политической жизни волости» [8. Л. 38]. В конце сообщения содержалась просьба «не оставлять без последствий» данное письмо.

При секретном отделе был создан регистрационный стол, «в котором ведется точная регистрация всех разыскиваемых лиц». Таковых в отделе было зарегистрировано 2 055 человек (в период с февраля по 30 июля 1919 г.). Кроме этого в отделе имелись снимки провокаторов по г. Твери [7. Л. 46 об.]. В докладе отмечалось: «За неимением работников с опытом развитие дела... не представляется возможным поставить на должную высоту».

26 февраля 1920 г. состоялась конференция начальников уездных милиций. Докладчик т. Прохоров «ярко

обрисовал задачи Политбюро, которые исключительно сводятся к политической работе – *политическому сыску*» (выделено мной. – М.Ч.) [9. Л. 5 об.; 10. Л. 6 об.]. Отмечалось, что «дело борьбы Политбюро (далее – ПБ) с внутренней контрреволюцией принадлежит только последнему». Новым органам правопорядка предписывалось организовать в течение двух недель специальную комиссию, в которую входили преднарком, заведующий отделом управления, представитель уездисполкома, начальник уездной милиции и уполномоченный губчека. Штат ПБ определялся следующим образом: 1) заведующий ПБ (он же – помощник начальника милиции); 2) уполномоченный (он же – информатор); 3) секретарь; 4) три секретных агента. Примечание гласило: в Бежецком, Осташковском, Вышневолоцком, Ржевском уездах должно быть по 2 уполномоченных и по 5 секретных агентов [10. Л. 6 об.].

Финансирование предполагалось осуществлять таким образом, что секретные агенты получали вознаграждение из секретных сумм Губчека, а начальники милиции, их помощники, уполномоченные «получают вознаграждение по ставкам, установленным для милиции, разницу же они получают из секретных сумм Губчека». «Работники ПБ вербуются из самых лучших и испытанных партийных работников». Уездные комитеты партии должны были выделить соответствующих этим требованиям коммунистов «с известным политическим стажем». Об организации ПБ следовало тотчас же донести в Губчек, а «также сообщить количество завербованных секретных агентов для переброски в другой уезд» [9. Л. 6; 10. Л. 7]. Согласно постановлению Совнаркома члены коллегии ЧК, комиссары, разведчики, уполномоченные и их помощники освобождались от воинской повинности. Этот порядок распространялся и на соответствующие подразделения ПБ [10. Л. 5].

Активно предпринимались попытки привлечения к осведомительству коммунистов и сочувствующих. Решением ЦК партии все партийные работники обязывались сообщать в особый отдел ВЧК о фактах шпионажа, измены, дезертирства [11. Л. 1]. 2 марта 1920 г. ЦК РКП(б) разослал в губернские и армейские парторганизации специальный циркуляр с требованием активной помощи органам ЧК. В июле ЦК по просьбе ВЧК, рекомендовал коммунистам, работающим на транспорте, быть осведомителями. 6 августа ВЧК обратилась с соответствующей просьбой («обязать всех коммунистов быть осведомителями») к губкомам партии. Однако эта идея не нашла широкой поддержки в партийных рядах. В июне 1921 г. ВЧК потребовала принять меры к созданию осведомительной сети на фабриках и заводах, а также колхозах, лесхозах. Отметим, что при формировании агентуры предлагалось соблюдать все правила конспирации.

Под личную ответственность Председателям ЧК и руководителям секретных отделов предлагалось, во-первых, в трехдневный срок «выработать конкретные вербовки и насаждение секретного осведомления в недрах политических партий»; во-вторых, было необхо-

димо перегруппировать сотрудников Губчека таким образом, «чтобы они приносили максимальную пользу секретной работе». «Вербовка, насаждение и руководство осведомлением, — отмечалось, в-третьих, — должны быть под личным руководством Предгубчека, начальника секретного отдела и уполномоченного по политическим партиям». Далее определялся качественный состав осведомителей, которые «должны вербоваться из рядов партий, а не из числа беспартийных». Последних квалифицировали лишь как «попутных, подсобных», а не основных осведомителей (вспомним так называемых боковых агентов). Предлагалось стремиться не к количеству осведомителей, а к их качеству: «Достаточно будет 2–3 толковых осведомителей по той или иной партии, чтобы контролировать их действия». Далее особо отмечалось, что «ни один из осведомителей не может быть принят кем бы то ни было из сотрудников ЧК без санкции Предчека и Завсекретотделом». Личность осведомителя подлежала проверке и должна «подтверждаться при возможности теми или иными данными, о чем немедленно сообщать в Секретный отдел ВЧК на имя Начальника СО ВЧК».

Ликвидации организаций, имеющих «крепкое осведомление», без санкции СО ВЧК не допускались, «за исключением случаев, не требующих отлагательства». Все ЧК, отмечалось, в трехмесячный срок «должны закончить организацию обзаведения у себя секретного осведомления по политическим партиям согласно настоящему циркуляру». Все руководители местных ЧК и завсекретотделами, не успевшие это сделать, «будут считаться бездеятельными». По истечении 6 дней Предгубчека должны были «прислать первый доклад о проделанной ими работе, второй доклад должен быть представлен не позднее 12 сентября 1920 г.» [12. Л. 84].

Определяя губернские ЧК как «органы политической борьбы с буржуазными и... антисоветскими политическими партиями», ВЧК телеграммой от 17 июня 1921 г. предписывала им «опираться в своей повседневной борьбе на секретное осведомление». Более того, констатировалось, что при отсутствии секретно-осведомительного аппарата «отсутствует и Губчека, как политический орган данной губернии» [12. Л. 84]. Телеграмма, подписанная В.Р. Менжинским, содержала подробную инструкцию по формированию осведомительного аппарата.

Одним из источников изучения деятельности ПБ являются доклады уполномоченных. Уполномоченный по партиям Нерехтского ПБ И.П. Лебедев сообщал о работе в период с 8 ноября 1921 г. по 15 января 1922 г. следующее. Он констатировал, что «за лицами, живущими в волостях, никакого наблюдения нет, но за живущими в городе, имеется наблюдение» [13. Л. 5]. Отмечая отсутствие работы секретного сотрудника, он свидетельствовал о том, что последний «за неимением теплого обмундирования никуда не ходит... для этой должности не способен». По мнению уполномоченного, на эту должность надо найти «любителя и строго разбирающе-

гося в важности выполняемой им работы». «Из местных жителей найти трудно, да и нежелательно, — продолжал он, — город небольшой и все друг друга знают». Н.П. Лебедев в своем докладе поднимает очень актуальный для того времени вопрос о подготовке кадров: «Необходимо отметить, что работать, не имея в этой области хорошей практики очень трудно». Он обращается с просьбой выслать из Губчека опытного работника «на срок не менее месяца и поставить работу так, как она должна быть на самом деле, или... пройти резерв назначения, но не такой, как мы проходили (ознакомление с задачами ЧК)» [13. Л. 6, 6 об.].

Система и принципы наблюдения за оппозиционным элементом отражены не только в общих сводках, но и в планах работы того или иного подразделения ЧК. Обратимся к плану работы Нерехтского ПБ на январь–март 1922 г. Уполномоченным по политическим партиям предписывалось «выяснить жизнь и деятельность взятых на учет членов антисоветских партий, для чего во чтобы то ни стало установить за ними наблюдение» [13. Л. 7]. С этой целью проверке подлежали все советские учреждения, организации и духовенство. Рекомендовалось «завязать переписку с центральными органами антисоветских партий путем легального получения печатных органов из их редакций».

Особое внимание уделялось постановке агентуры. Так, предписывалось «создать группу эсеров из своих осведомителей (выделено мной. — М.Ч.), дабы тем самым выяснить, имеются ли и сколько, в уезде» [13. Л. 7]. Уполномоченные по осведомлению и агентуре были обязаны не только «поставить осведомителя во всех советских учреждениях, организациях, среди духовенства и учительства», но и завербовать таковых из членов антисоветских партий. Проверке «работы и личной жизни» подлежали все имеющиеся осведомители. «Всех неспособных — удалить», — особо отмечалось в документе. Корректировке подлежала и сама система сбора сведений. Предписывалось разбить уезд на районы, «в каждом районе поставить конспиративного помощника уполномоченного» [13. Л. 7 об.]. Последнему предписывалось держать связь непосредственно с осведомителями (давать им задания и получать информацию). В качестве меры контроля над оппозиционным элементом рекомендовалось установить цензуру на почте.

Органы ЧК и ГПУ уделяли самое пристальное внимание качественному составу своего осведомительного аппарата, аппарата наружного наблюдения (как, впрочем, это было и в дореволюционной России), сталкиваясь с проблемой кадрового обеспечения секретного наблюдения. «Работа осведомительного отделения... страдает из-за недостатка работников. С осведомительным аппаратом не вполне хорошо, отсутствует конспиративная квартира, конспиративных уполномоченных имеется всего лишь 2 человека», — отмечалось в двухнедельной сводке Тверского ЧК за 1–15 октября 1921 г. [14. Л. 76]. Тем не менее осведомительная сеть работала. Она являлась одним из основных источников получения сведений не только о политической и экономической

ситуации в конкретной местности, но и о деятельности отдельных высокопоставленных лиц.

Осведомитель из Ржева сообщал, например, что в городе «имеется два представителя от ВЧК, фамилия первого Попов, другого выяснить не удалось», причем «занимая самые солидные посты там, совершенно бездействуют» [14. Л. 72]. Особо агент указывает на противоправную деятельность комиссара по продовольствию Ржева Голицына, «офицера старой армии, кулака, эксплуататора». Производя «незаконные сборы продовольственных налогов с крестьян уезда, беря с некоторых за 1920 год, а с некоторых как бы авансом за 1921 год, определенно провоцирует советскую власть». Осведомитель сообщал, что «вполне самостоятельные люди уезда не вносят общего государственного налога, потому что дают взятки указанному Голицыну» [14. Л. 72]. В агентурной записке сообщалось также о готовящемся весной «грандиозном восстании крестьян нескольких уездов». Осведомитель отмечал наличие организационного комитета, который планомерно «распускает слухи, будто бы исполкомом принято решение вырезать 40 семейств в волости, на что... имеется определенный приказ из центра, что готовится полное отобрание земли и инвентаря у крестьян» [14. Л. 72].

Весьма характерным является следующий документ. В приказе № 18 по секретно-оперативной части Тверского отдела ГПУ от 14 сентября 1923 г. отмечалось: «Тов. Ефремова, информатора по Старицкому уезду, за манкирование службой и нарушение приказа ГПУ арестовать на 30 суток, какового по отбытии срока наказания уволить со службы без права поступления в органы ГПУ» [15. Л. 5]. «Агентов по наружному наблюдению Вышневолоцкого ПБ Крылова и Гаврилова уволить от занимаемой должности: первого – по болезни, второго – как *неспособного* (выделено мной. – М.Ч.)», – гласил приказ № 148 по Тверской ЧК от 22 декабря 1920 г. Сотрудники Виноградов и Годунов Калязинского и Старицкого ПБ соответственно были уволены вследствие того, что оказались дезертирами [16. Л. 134].

Высокие требования предъявлялись и к работникам отделов ЧК. Так, 15 января 1921 г. был объявлен строгий выговор письмоводителям Вышневолоцкого Политбюро Кормановой и Зойковой «за то, что они во время командировки из В. Волочка в Тверь... в вагоне позволили себе разгласить проезжающей публике всю деятельность политбюро с подробным объяснением: кто заведует политбюро, сколько активных и секретных агентов и где они проживают» [15. Л. 152 об.]. Строгий выговор был объявлен уполномоченному Калязинского ПБ Назарову и секретарю Владимирову за то, что секретное дело, отправленное ими, «было плохо запечатано, не перевязано шпагатом и было получено в разорванном виде» [16. Л. 158 об.].

Как и в дореволюционное время, деятельность агентуры активизировалась в период различных торжеств и праздников. Накануне празднования шестой годовщины Октябрьской революции начальнику информационно-агентурного отдела т. Пульверу предписывалось

«установить наблюдение за всеми уголками г. Твери на предмет обнаружения разбросанных прокламаций и устройства неразрешенных сборищ». Помимо этого необходимо было «выделить соответствующее число секретных сотрудников, прикрепляя к... районам, где будут располагаться дежурные посты отдела» [15. Л. 10].

Итак, у дореволюционных коллег чекисты заимствовали систему организации агентурного наблюдения, правда, на принципиально иной основе. Стало больше так называемых идейных сотрудников, которые работали не только за материальное вознаграждение. Практически исчез такой вид, как вспомогательная агентура. Существенно упорядочилась система учета секретных агентов: введены картотеки наблюдаемых с указанием «клички» агента, осуществлявшего надзор (формирование и упорядочение картотек заняло несколько десятилетий и захватило даже 1950-е г.). Однако документы, подтверждающие денежное вознаграждение за агентурную работу, относятся лишь к дореволюционному периоду.

Численный состав агентуры также имел различия. Если до революции, как правило, на одну организацию приходилось два агента, то в советское время (и это прослеживается в документах) – персональная опека на члена антисоветских групп варьировалась от двух до четырех агентов, при необходимости активно призывались члены партии. Но такую практику не поддерживали партийные органы, хотя, конечно, большинство партийцев считали себя персонально ответственными за происходившее в стране. Потому многие антисоветские структуры оказались раскрыты по результатам информации, поступившей от рядовых большевиков или беспартийных. Более значительные белогвардейские группы и организации разрабатывались весьма долго и, разумеется, с помощью агентуры. В ее роли выступали либо члены самих подобных структур, обманутые и запуганные их главарями, либо специально внедренные сотрудники.

Изменение политической обстановки и учреждение ГПУ вызвали корректировку деятельности секретного аппарата. В протоколе совещания начальника Яргуботдела ГПУ, начальников транспортных отделов отмечалось: «Появление всевозможных частных предприятий, учреждений и организаций еще далеко нам не известных по намерениям деятельности, переход антисоветского элемента от способов открытой враждебной работы к более утонченному способу... требует постановку секретного аппарата, его работу почти коренным образом изменить» [17]. Констатировалось, что постепенно велось высвобождение секретного аппарата от «малороботоспособных элементов».

Вполне конкретно формулировалась и задача госбезопасности в сфере агентурного наблюдения: «Не только запустить свои щупальца во все темные местечки с поповскими занавесками, но и взять на учет не только на бумаге, но в действительности весь имеющийся антисоветский элемент... и поставить его под наш повседневный надзор. Для этого необходимы известные вполне законные условия. При таких условиях,

в каких мы сейчас находимся., весьма сомнительно, чтобы достигнуть каких-либо положительных результатов» [17]. Среди недостатков отмечены и относительно низкий политический уровень сотрудников («недостаток, от которого страдает партия в целом»), недостаточная материальная обеспеченность и неудовлетворяющий качественный состав сотрудников (при наличии 60% коммунистов).

В целом же, в отличие от своих дореволюционных коллег, сотрудники советской госбезопасности достаточно мобильно реагировали на изменения политической ситуации. Налицо оказалось и сотрудничество в названной сфере между представителями различных структур. Подчеркнем и то, что опыт, накопленный дореволюционной школой сыска, активно и подробно изучался и заимствовался. Общеизвестен факт переиздания в 1941 г. для внутреннего пользования НКВД Инструкции по организации внутреннего агентурного наблюдения, написанной еще П.А. Столыпиным.

Прежними оставались и способы приобретения агентуры. Так, в «Кратких указаниях ЧК для ведения разведки» [4. С. 323] назывались те же методы вербовки агентов, которые известны нам по дореволюционной деятельности органов политического сыска. Это, во-первых, личная, материальная или идейная заинтересованность. Во-вторых, убеждение и принуждение (последнее – при наличии сведений, компрометирующих намеренного к вербовке). В-третьих, предлагалось прямое предложение или постепенное привлечение к сотрудничеству. В тюрьмах рекомендовались к использованию агенты из среды самих арестованных. Наружное наблюдение первоначально применялось спонтанно, да и затем особой специализации сотрудников по видам агентурной деятельности изначально не существовало. Как и в дореволюционное время, широко использовалась перлюстрация корреспонденции. Словом, ничего абсолютно нового в этой сфере внедрить не удалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 238а.
2. Чудакова М.С. Противостояние. Политический сыск дореволюционной России. 1880–1917. Ярославль : ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2003. Гл. 3, 4.
3. Ленин В.И. Речь по вопросу об Учредительном собрании. Полн. собр. соч. Т. 35.
4. Колпакиди А.И., Серяков М.Л. Щит и меч. М. : СПб., 2002.
5. Из истории ВЧК. 1917–1921. Сб. документов. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1958.
6. Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИЯО). Ф. 1. Оп. 27. Д. 114.
7. ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 2. Д. 379.
8. Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 206.
9. ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 3. Д. 62.
10. ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 437.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 2. Д. 21.
12. ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 725.
13. Центр документации новейшей истории Костромской области (ЦДНИКО). Ф. 3656. Оп. 3. Д. 3.
14. ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 735.
15. Архив УФСБ Тверской области (Архив УФСБ ТО). Ед. хр. 14.
16. Архив УФСБ ТО. Ед. хр. 1.
17. ЦДНИЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 595. Л. 24.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 декабря 2013 г.

FEATURES OF VCHK AND GPU SECRET-SERVICE OFFICES FORMATION

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 126-131. DOI: 10.17223/15617793/380/19

Chudakova Marina S. Yaroslavl State Medical Academy (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: marichud@rambler.ru

Keywords: Soviet period; kinds of confidential agents; secret-service supervision; methods of recruitment.

The system of law enforcement agencies of the Soviet state, even in their extreme form, could not be formed without taking into account the experience gained by the predecessors. The question of the degree of awareness of law enforcement bodies remained topical. When creating a new system a lot of attention was paid to the design and development of methods and means of investigative activities. Used experience allowed security officers to professionally approach to the construction of the agent system: there were informants recruited from among the opponents (non-staff agents), secret agents, and surveillance service (standard agents). The bodies of the ChK and GPU paid close attention to the quality of their non-staff and standard agents (like in pre-revolutionary Russia), but they had a deficit of secret agents. KGB borrowed the system of organization of agent surveillance from their pre-revolutionary colleagues, although in a fundamentally different manner. The number of ideological employees who worked not only for the financial reward grew. Auxiliary agents virtually disappeared. The accounting system of secret agents was ordered: files were made for people under observation with the nicknames of supervising agents. However, the proof of the remuneration for the work of agents refers only to the pre-revolutionary period. The membership of agents also had differences. Before the Revolution, as a rule, one organization had two agents, in Soviet times – there were from two to four agents for a member of anti-Soviet groups. Many of the anti-Soviet structures were uncovered as a result of information received from non-party people. Larger organizations were investigated for a very long time with the help of agents who were either members of such structures themselves, deceived and intimidated by their heads, or planted agents. Unlike their pre-revolutionary colleagues, KGB employees were mobile enough to respond to the changes in the political situation. There was cooperation in this sphere with various structures. The experience of the pre-revolutionary school of investigation was actively and extensively studied and borrowed. The ways of acquiring agents did not change: personal, financial, or ideological interest, persuasion and coercion (the latter was possible if there was information compromising the candidate recruit). There was a direct offer or gradual involvement. Originally, surveillance was used spontaneously; there was no classification of employees by the type of agent activities. Like in pre-revolutionary times perusal of correspondence was common. Thus, no brand new elements in this area were introduced.

REFERENCES

1. Gosudarstvennyy arkhiv Tverskoy oblasti (GATO). F. R-291. Op. 1. D. 238a.
2. Chudakova M.S. Protivostoyanie. Politicheskiy sysk dorevolutsionnoy Rossii. 1880–1917. Yaroslavl' : YaGPU im. K.D. Ushinskogo, 2003. Gl. 3, 4.
3. Lenin V.I. Rech' po voprosu ob Uchreditel'nom sobranii. Poln. sobr. soch. V. 35.
4. Kolpakidi A.I., Seryakov M.L. Shchit i mech. M. ; SPb., 2002.
5. Iz istorii VChK. 1917–1921. Sb. dokumentov. M. : Gos. izd-vo polit. lit., 1958.
6. Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Yaroslavskoy oblasti (TsDNIYaO). F. 1. Op. 27. D. 114.
7. GATO. F. R-291. Op. 2. D. 379.
8. Tverskoy tsentr dokumentatsii noveyshey istorii (TTsDNI). F. 1. Op. 1. D. 206.
9. GATO. F. R-291. Op. 3. D. 62.
10. TTsDNI. F. 1. Op. 1. D. 437.
11. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI). F. 17. Op. 2. D. 21.
12. TTsDNI. F. 1. Op. 1. D. 725.
13. Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Kostromskoy oblasti (TsDNIKO). F. 3656. Op. 3. D. 3.
14. TTsDNI. F. 1. Op. 1. D. 735.
15. Arkhiv UFSB Tverskoy oblasti (Arkhiv UFSB TO). Ed. khr. 14.
16. Arkhiv UFSB TO. Ed. khr. 1.
17. TsDNIYaO. F. 1. Op. 27. D. 595. L. 24.